

ИНДЕКС РЕАЛЬНОСТИ

БОРИС КРИГЕР

БОРИС КРИГЕР

ИНДЕКС
РЕАЛЬНОСТИ

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to kriegerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Индекс реальности

Антropически-независимый индекс реальности позволяет измерить, насколько понятие искажено особенностями человеческого мышления

Без подобной проверки мысль легко попадает в ловушку. Начинает верить, что придуманные схемы — это законы мира, а удобные представления — знания. Индекс не избавляет от этой опасности, но по крайней мере помогает её распознать. Он вводит другую точку отсчёта: не насколько идея красива или полезна, а насколько она не похожа на всё то, что человеческий ум привык создавать, глядя на мир через свои узкие щели.

Этот индекс не говорит, какая идея истина, а помогает понять, насколько она свободна от когнитивных ограничений человека.

ИНДЕКС РЕАЛЬНОСТИ

Любая система, с помощью которой человек пытается понять мир, по сути своей построена внутри самого человеческого ума — с его ограничениями, привычками и хитроумной архитектурой. Эта мысль давно витает в воздухе, но редко кто вникает в то, что она на самом деле означает. Ум ведь не создавался для того, чтобы беспристрастно смотреть на вещи. Он был выкован под давлением выживания, где главное — не истина, а быстрая и полезная реакция. Восприятие улавливает не всё подряд, а только то, что мозг считает нужным. Язык ужимает реальность в слова, память больше придумывает, чем хранит, а выводы зачастую строятся на догадках, а не на строгих рассуждениях. В такой обстановке не приходится надеяться, что идеи, приходящие в голову, отражают мир как он есть. Скорее, они показывают, как этот мир видится существу, вынужденному выживать.

Традиционные способы отличать знание от вымысла — логика, опыт, договорённость между людьми — работают, но и они сами созданы тем же самым мозгом. Что считается логичным, часто просто хорошо ложится в знакомый шаблон. То, что работает на практике, не обязательно раскрывает суть, оно просто помогает справиться с задачей. А общее мнение чаще говорит о сходстве человеческих умов, чем о прикосновении к объективному порядку вещей. Получается, что и средства оценки подвержены тем же искажениям, что и сами идеи, которые они оценивают.

На этом фоне возникает необходимость в чём-то вроде проверки на реальность — инструменте, который не притворяется нейтральным, но прямо говорит: да, ум искажает, но давайте хотя бы узнаем, насколько сильно. Такой инструмент можно назвать Индексом Реальности. Он предлагает перевернуть привычную логику: если идея легко ложится в сознание, если она нравится, трогает, кажется полезной или убедительной — это повод насторожиться. Возможно, она не потому так хороша, что отражает реальность, а потому что подстраивается под человеческий мозг и его слабости.

Это нужно не ради парадокса, а потому что сама эволюция не заботилась о правде. Она отбирала те способы мышления, которые помогали выживать — будь то вера, мораль, чувство смысла, ощущение свободы или просто понятные объяснения. Всё это помогает жить, но не обязательно ведёт к истине. В результате многие важные идеи могут быть не столько открытиями, сколько полезными иллюзиями. Утешают, объясняют, объединяют, но при этом вводят в заблуждение относительно устройства мира.

В таких условиях недостаточно спрашивать, понятна ли идея или помогает ли она действовать. Это всё полезно, но не даёт ответа на главный вопрос — насколько она свободна от искажений, привнесённых нашей природой. Индекс Реальности предлагает оценивать идеи по их степени зависимости от человеческих особенностей. Чем больше в них эмоций, красивых метафор, социальной поддержки и языковой привычки, тем ниже их шансы быть чем-то универсальным. Потому что истина — если

она вообще доступна — может оказаться вовсе не такой, какой хочется её видеть.

Без подобной проверки мысль легко попадает в ловушку. Начинает верить, что придуманные схемы — это законы мира, а удобные представления — знания. Индекс не избавляет от этой опасности, но по крайней мере помогает её распознать. Он вводит другую точку отсчёта: не насколько идея красива или полезна, а насколько она не похожа на всё то, что человеческий ум привык создавать, глядя на мир через свои узкие щели.

Этот текст предлагает ввести понятие Индекса Реальности — особого подхода, с помощью которого можно оценить, насколько глубоко идея подвержена искажениям, навязанным устройством человеческого мышления. Вместо привычной оценки по критериям пользы, логичности или согласованности с чужими взглядами, предлагается обратить внимание на другое: как сильно концепция зависит от особенностей мозга, сформированного не ради истины, а ради выживания. Индекс не претендует на открытие окончательной правды, но предлагает мерку, позволяющую понять, какие идеи, возможно, ближе к независимой от человека картине мира — именно потому, что они не так очевидны, не вызывают сильных эмоций, не ложатся на язык и не служат социальным нуждам.

Вместо того чтобы снова и снова использовать инструменты, сами подстроенные под человеческие пристрастия — вроде привычных логических связей или научной повторяемости, — предлагается измерять, насколько идеи избегают этих ловушек. Если понятие вызывает эмоциональный отклик, легко укладывается в

метафору, становится частью повседневной речи или поддерживает социальный порядок — это может быть признаком не истины, а того, что оно успешно прошло отбор как удобный адаптивный инструмент. Напротив, если идея трудна для восприятия, кажется чуждой, не вызывает интуитивного согласия — возможно, это говорит о её относительной независимости от тех же когнитивных фильтров, через которые обычно пропускается всё новое знание.

За этим подходом стоит более широкое подозрение, что главная проблема мышления — не в ошибках, а в его самой конструкции. Всё, что делает ум: что замечает, как различает, на что реагирует, — отбиралось в ходе эволюции не для познания, а для действия. Мир, в котором приходилось выживать, не требовал точных описаний, он требовал быстрых решений. Поэтому даже самые устойчивые представления — о добре и зле, свободе воли, цели, смысле, даже о физической реальности — могут быть не отражениями устройства мира, а отражениями того, как человек устроен сам.

Отсюда и необходимость нового взгляда на знание: не как на объективную картину мира, а как на набор выживательных стратегий, превратившихся в привычные идеи. Индекс Реальности не даёт гарантий, не подводит черту, но может показать, где идеи особенно сильно зависят от человеческой природы, а где, возможно, на мгновение отрываются от неё. В этом смысле он предлагает не рецепт, а инструмент самодиагностики — попытку измерить, насколько каждая конкретная мысль связана с теми же ограничениями, которые породили её.

Работа опирается на выводы из самых разных областей

— от эволюционной теории до нейробиологии, от философии науки до физики. Все эти дисциплины вместе помогают увидеть, что знание — это не отражение независимой реальности, а хрупкая, неполная, местами удобная конструкция, собранная в пределах тех условий, которые позволили разуму возникнуть. Задача здесь не в том, чтобы выйти за пределы этих рамок, — это вряд ли возможно. Но можно попробовать измерить, где именно они сужают взгляд, и начать понимать, что мысль сама по себе не свободна.

Чтобы выстроить работающую и непротиворечивую систему, на которой будет держаться Индекс Реальности, сначала нужно чётко очертить смысл ключевых понятий. Речь не идёт о том, чтобы добиться всеобщего согласия или претендовать на универсальные формулировки. Здесь важнее другое — задать границы того смыслового пространства, в пределах которого будет работать предложенная модель. Каждый термин уточняется с учётом своей роли в структуре индекса и тех последствий, которые он несёт для понимания мира, знания и устройства мышления.

Под словом «реальность» в этом контексте понимается не некая вечная истина и не философская категория, а более скромное допущение: существует нечто, что продолжало бы существовать даже в полном отсутствии человека, независимо от восприятия, мышления или культуры. Это не попытка доказать объективный мир, а скорее рабочее предположение, что за пределами умственных конструкций есть структура, не зависящая от наблюдателя.

Понятие, в свою очередь, рассматривается как

мысленная или знаковая единица, с помощью которой ум организует представления о каком-либо классе, свойстве, процессе или устройстве. Это может быть как конкретная категория вроде «атом», так и более сложное соединение, например «моральная ответственность». Именно такие единицы и становятся объектами оценки в Индексе Реальности.

Под эволюционным искажением здесь понимается вся совокупность когнитивных, эмоциональных и языковых особенностей, сформированных в ходе биологической эволюции и направленных не на понимание мира, а на выживание. К числу таких искажений относятся, например, привычка видеть разум и намерение там, где их нет, вера в цели и предназначение, склонность делить всё на противоположности, опираться на простые образы, быстро принимать удобные решения, даже если они не точны. Всё это помогает жить, но мешает объективному описанию.

Когнитивная независимость — это степень, в которой понятие оторвано от свойственных человеку моделей мышления. Если идея не зависит от интуиции, не подкрепляется эмоциями, не приносит социальной пользы и не основана на привычных способах восприятия, значит, она ближе к независимому взгляду на реальность. Обычно такие идеи выглядят непривычно, формально, сухо и требуют абстрактного мышления.

Сам Индекс Реальности — это шкала от нуля до пяти, с помощью которой можно измерить, насколько идея отделена от эволюционно заданных искажений. Оценка складывается из десяти параметров, каждый из которых даёт до полубалла. Проверяется, насколько сильно

понятие зависит от органов чувств, от структуры языка, от эмоций, от полезности в действии, от социальных ожиданий, от привычки делить всё на два, от предположения о существовании субъекта и объекта, от метафор, от склонности искать цели и смыслы, а также от лёгкости понимания. Чем выше итоговая оценка, тем меньше предполагаемое искажение и тем ближе идея — хотя бы гипотетически — к описанию самой структуры бытия.

Адаптивная полезность показывает, насколько идея или модель помогает выживать в конкретной среде. Чем сильнее понятие вплетено в практику, чем чаще оно связано с эмоциями, социальной сплочённостью или быстротой принятия решений, тем выше его польза — но тем ниже его оценка по шкале Индекса, потому что всё это указывает на возможное искажение ради выживания, а не ради правды.

Интуитивная доступность описывает то, как легко идея воспринимается без специальной подготовки или рассуждений. В повседневной жизни это плюс, но в данной системе — повод для осторожности. Лёгкость восприятия может быть следствием того, что идея сшита по знакомому шаблону, а не потому, что она точна.

Метафорическая кодировка означает использование образов из одного опыта (обычно телесного или чувственного), чтобы описывать вещи из другого — более абстрактного — уровня. Это очень удобный и распространённый способ мышления, но он часто заменяет структуру аллюзией, а объяснение — аналогией.

Онтологическая нейтральность — это отсутствие у понятия человеческой окраски. Такие идеи не

подразумевают ни целей, ни ценностей, ни моральной значимости. Они просто описывают, не предлагая смыслов и не задавая нарратива. Именно такие понятия получают в Индексе более высокую оценку, потому что они реже бывают продуктами адаптивного мышления.

Все эти определения нужны для того, чтобы у индекса была внутренняя логика. Основная мысль в том, что полезность и правдивость — это разные вещи, и пока они не разведены, не получится точно понять, какие из идей ближе к реальному устройству мира, а какие всего лишь удачные приспособления, созданные умом в попытке выжить и с кем-то договориться.

Индекс Реальности строится на основе десяти параметров, каждый из которых призван улавливать определённую форму искажения, возникающую из-за особенностей человеческого мышления. Эти параметры можно представить как фильтры — чувственные, эмоциональные, языковые, социальные — через которые проходит любое представление о мире. Все они когда-то появились, чтобы повысить шансы на выживание, но вместе с этим они начали скрывать от нас устройство вещей, каким оно может быть вне человеческого взгляда. Каждый из параметров вносит до полубалла в общую оценку, итог которой может варьироваться от нуля до пяти. Чем выше результат, тем меньше влияние эволюционных искажений и тем ближе, предположительно, идея к тому, что не зависит от человеческих установок.

Первый из параметров — чувственная зависимость. Он оценивает, насколько понятие связано с прямым восприятием или опытом, полученным через органы чувств. Всё, что возникает из зрения, слуха,

прикосновений или телесного взаимодействия с окружающим, указывает на привязанность к человеческому масштабу. Такие понятия получают более низкую оценку. А вот те, что выводятся из абстракций, математических моделей или идут вразрез с ощущениями, оцениваются выше, потому что сенсорные каналы формировались не для понимания структуры мира, а для выработки быстрой реакции.

Далее идёт языковая зависимость. Здесь внимание направлено на то, насколько сильно понятие опирается на грамматические формы, лексические особенности или метафорические образы, свойственные человеческой речи. Если смысл заметно меняется от языка к языку или держится на культурных выражениях, это говорит о приспособлении к ограниченным возможностям общения. Если же идея устойчиво выражается в любых формальных или символических системах, это признак независимости от особенностей языка.

Следующий параметр — эмоциональная окрашенность. Если понятие вызывает сильные чувства — страх, надежду, вину, восторг или желание, — оно, скорее всего, играет какую-то роль в регуляции поведения. Такие идеи обладают мотивирующим потенциалом, а не структурной точностью. Напротив, если понятие оставляет равнодушным, не вызывает эмоциональной реакции, это говорит о возможной онтологической нейтральности.

Отсюда — к адаптивной полезности. Всё, что помогает принимать решения, формировать нормы, сохранять порядок или поддерживать идентичность, часто оказывается инструментом, а не зеркалом реальности.

Понятия, которые служат выживанию или объединению людей, оцениваются ниже. А те, что лишены очевидной пользы, но при этом сохраняются благодаря внутренней логике, получают более высокий балл.

Пятый параметр касается социальной зависимости. Если понятие существует только в рамках договорённости — как, например, деньги, статус или справедливость, — оно глубоко вплетено в человеческие отношения. Такие идеи не имеют собственной опоры вне сообщества. Зато понятия, применимые к одиночным или даже бессознательным системам, и тем более не зависящие от социального контекста, считаются более независимыми.

Затем — бинарная структура. Человеческому мышлению удобно делить всё на чёрное и белое: добро и зло, жизнь и смерть, «мы» и «они». Это упрощает ориентацию, но редко отражает реальное многообразие или непрерывность. Понятия, которые не вписываются в чёткие дилеммы, а допускают переходы, градации и множественность, считаются менее искажёнными.

Седьмой параметр — рамка субъект–объект. Люди привычно мыслят через противопоставление: есть «я», есть «внешнее», и между ними — внимание, воля, намерение. Но далеко не все процессы устроены по этому шаблону. Идеи, не предполагающие субъекта, не требующие разделения на наблюдателя и наблюдаемое, отражают иной уровень мышления, менее привязанный к привычной архитектуре сознания.

Далее — метафорическая сжатость. Люди объясняют сложное через знакомое: говорят о времени как о дороге, о мыслях как о контейнерах, об эмоциях как о жидкостях. Это помогает понимать, но замещает структуру похожестью. Если понятие почти не зависит

от метафоры, если оно построено формально и абстрактно, его оценка выше.

Затем — телеологическая рамка. Всё, что подразумевает цель, направление, рост, развитие или завершение, глубоко связано с живым восприятием и целеполаганием. Такие понятия отражают устройство мотивационной системы, но не обязательно — реального процесса. Если идея описывает события без назначения, без финала и без направления, это приближает её к нейтральному описанию.

И, наконец, когнитивная доступность. Идеи, которые легко понять, которые кажутся «понятными с первого взгляда», как правило, опираются на уже знакомые нейронные шаблоны. Но настоящая независимость от мышления часто проявляется в труднопостижимости. Понятия вроде квантовой нелокальности или искривления пространства-времени не укладываются в интуицию, и именно это делает их интересными для оценки по Индексу Реальности.

Все эти параметры вместе не открывают истину напрямую, но позволяют хотя бы оценить, насколько глубоко идея пронизана устройством человеческого ума. Индекс не предлагает выйти за пределы мышления, но помогает измерить его давление. Он показывает, насколько сильно конкретная мысль связана с разумом, созданным для выживания, а не для понимания.

Структура Индекса Реальности опирается на десять параметров, каждый из которых добавляет максимум полбалла к общей оценке. Верхняя граница в пять баллов и фиксированное число параметров выбраны не случайно — это не просто удобное округление, а осознанное методологическое решение, в котором

сочетается стремление к простоте восприятия и точности анализа.

Идея ограничиться десятью параметрами родилась как компромисс между двумя важными задачами: с одной стороны, нужно учесть достаточное количество искажений, которые возникают в человеческом мышлении; с другой — сохранить ясность и управляемость самой системы. Если бы параметров было, скажем, всего три или четыре, этого оказалось бы недостаточно, чтобы отразить сложную природу когнитивных искажений. Наше мышление не поддаётся простому разбору: эмоции, восприятие, язык, социальные нормы и логические упрощения действуют одновременно и в разных сочетаниях. Попытка свести всё это к нескольким обобщённым категориям привела бы к потере важных различий и к излишнему уплощению картины.

Но и противоположная крайность — чрезмерная детализация — тоже таит в себе проблему. Расширение списка параметров за пределы десяти только добавило бы шум в систему. Не всё можно или нужно дробить. Большинство искажений, с которыми мы сталкиваемся на уровне абстрактного мышления, укладываются в повторяющиеся шаблоны. Их не бесконечно много. Поэтому десять параметров дают как раз тот уровень детализации, который позволяет различать типы искажений, но не распыляться на второстепенные нюансы. Это позволяет сохранить целостность индекса и не превращать его в громоздкую схему, в которой легко потеряться.

Кроме того, выбранная структура обеспечивает чёткое разделение между различными видами когнитивных

искажений. Каждый параметр выделяет отдельную область: один касается эмоций, другой — языка, третий — телесных метафор, и так далее. Хотя между ними возможны пересечения — например, эмоциональная реакция часто сопровождается социальной значимостью или метафорическим оформлением, — внутри индекса они считаются независимыми. Это позволяет точнее определить, почему именно концепция набирает меньше или больше баллов: она может быть эмоционально окрашенной, но не обязательно зависеть от языка или бинарной логики.

Почему именно полбалла на параметр? Это простое и удобное решение, позволяющее получить итоговую шкалу от нуля до пяти. Такая шкала достаточно гибкая, чтобы сравнивать разные идеи, но при этом не создаёт иллюзии точности, которой на самом деле быть не может. Разница между оценкой 4.8 и 4.6 не должна восприниматься как принципиальная, но обе такие идеи заметно отличаются от тех, что попадают в диапазон между двумя и тремя баллами. Пятёрка в этой системе не означает, что концепция идеально соответствует реальности. Это лишь указание на то, что она максимально удалена от известных нам искажений, которые возникают в уме, настроенном не на истину, а на выживание.

В результате структура из десяти параметров одновременно охватывает широкий спектр фильтров, через которые проходит любая мысль, и при этом сохраняет понятность. Это не механическая сумма, не жёсткая система и не попытка посчитать истину в цифрах. Скорее, это инструмент, позволяющий оценить, насколько сильно сама архитектура человеческого

мышления влияет на то, какие идеи вообще становятся возможными.

Работоспособность Индекса Реальности проявляется не в его теоретической стройности, а в том, как он позволяет различать глубинные свойства идей, пришедших из совершенно разных областей. Когда одни и те же параметры — независимость от чувств, от языка, от эмоций, от социальных ожиданий — начинают применяться к разным понятиям, становится видно, насколько по-разному устроены сами эти идеи. Индекс не пытается выяснить, кто прав, а кто ошибается. Он не утверждает, что одна концепция «реальнее» другой. Его задача — показать, насколько сильно мысль подвержена влиянию биологического и культурного устройства человека. И в этом смысле отдельные примеры — как срезы через разную глубину искажения — дают особенно наглядную картину.

Вот, к примеру, постоянная скорость света. Это не то, что можно было бы увидеть или почувствовать напрямую. Она не вызывает эмоций, не встроена в повседневный язык, не используется для выживания. Её невозможно объяснить, опираясь на обыденный опыт. Она входит в строго формальные рамки, в систему, где важна не интуиция, а математическая непротиворечивость. Хотя формула может показаться красивой, эта красота, скорее всего, не имеет адаптивного значения. Результат — почти максимальный балл, около 4.9. Чуть ниже абсолютной отметки — просто потому, что даже строгость математики иногда совпадает с тем, что мозг считает «эстетичным».

А теперь — моральная вина. Это понятие буквально

пропитано эмоциями: страхом, стыдом, чувством наказания и искупления. Оно встроено в язык, обосновано культурой, опирается на разделение: виновен — невиновен, правильно — неправильно. Его задача — регулировать поведение, поддерживать нормы, укреплять принадлежность к группе. Вина — это не просто чувство, это целая конструкция, глубоко привязанная к устройству человеческой психики. Оценка — низкая, между 1.2 и 1.5. Не потому, что это плохая идея, а потому что она рождена под давлением эволюционных нужд.

В противоположность этому — квантовая суперпозиция. Её невозможно объяснить через интуицию, нельзя увидеть или почувствовать. Даже метафоры, которые пытаются сделать её понятной, обычно искажают суть. Это идея, живущая в математике, не в ощущениях. Она не вызывает сильных эмоций, не служит поведению, не укладывается в привычные шаблоны мышления. Однако её образ часто перетягивают в популярные описания, что слегка снижает оценку. Но сама структура идеи остаётся чуждой адаптивному мышлению — отсюда высокий балл, примерно 4.6.

Любовь, напротив, кажется чем-то возвышенным, но при ближайшем рассмотрении оказывается глубоко привязанной к биологии. Это привязанность, половое поведение, родительство, эмоции, истории, песни. Это метафоры, нарративы, стихи и биохимия в одном флаконе. Понятие любви одновременно разнообразно и устойчиво, универсально и личностно. Оно не сводится к одной функции, но от эволюционного давления не освобождено. Оценка — около 1.7. Немного выше, чем у чувства вины, но всё ещё в зоне сильного искажения.

Совсем иная ситуация с простыми числами. Их можно найти, только если заниматься абстрактными поисками. Они не помогают выживать, не выражаются через метафоры, не несут эмоций, не поддаются интуиции. Их свойства одинаковы в любой культуре, в любом языке. Их не придумали, их скорее обнаружили внутри формальной системы. Именно поэтому это один из немногих случаев, когда оценка доходит до 5.0 — теоретического максимума в рамках данной модели. Это не знак идеальной истины, а показатель минимального участия человека как вида в самой конструкции идеи.

Теперь — Бог, в теистическом понимании. Эта идея глубоко переплетена с механизмами, которые помогают человеку чувствовать порядок, объяснение, защиту, смысл. Это — личностная форма, наделённая волей, намерением, способностью судить. Она встроена в язык, в ритуал, в структуру страха и надежды. Даже философские попытки отвязать понятие Бога от человеческого облика редко достигают полной абстракции. Слишком мощны корни — в психологии, в культуре, в социальной архитектуре. Оценка — около 1.4. Конструкция не столько описывает, сколько поддерживает и удерживает.

Возьмём для сравнения энтропию. Это уже физическое понятие, связанное с поведением систем, стремящихся к максимуму беспорядка. Её нельзя почувствовать, но можно измерить. Она требует формального языка, но объясняется через метафоры вроде «хаоса» или «распада», что немного снижает итоговую оценку. Однако сама по себе идея лишена эмоциональной окраски, не привязана к субъекту, не требует цели. Она работает одинаково — в химии, в астрофизике, в теории

информации. Её балл — около 4.5. Высокий, с небольшим снижением за неизбежную лексическую опору на образность.

Если взглянуть на все эти примеры вместе, становится ясно: индекс не говорит, какая идея «важнее» или «лучше». Он не измеряет полезность, он показывает, насколько идея оторвана от тех сил, которые формируют мышление. Чем меньше она укладывается в привычное — тем выше её оценка. Чем ближе она к ощущениям, эмоциям, языку, функциям выживания — тем сильнее она несёт следы адаптации.

Такое сопоставление показывает не только степень искажения, но и его источник. Оно не указывает на истину, но очерчивает тот ландшафт, на котором человек ищет истину — даже если не замечает, что шаг за шагом движется по местности, вымощенной собственным восприятием.

И если возникнет желание применять этот подход автоматически — с помощью ИИ или цифровых систем оценки — потребуется чёткий и продуманный шаблон. Он должен быть построен так, чтобы можно было поочерёдно анализировать каждый из десяти параметров. Важно, чтобы система могла распознать: есть ли эмоциональный оттенок, чувствуется ли зависимость от языка, проявляется ли интуитивная лёгкость, и так далее. Только при такой настройке алгоритм сможет приблизиться к тому, чтобы не просто повторять мысли человека, а помогать ему видеть, где именно мышление искажает само себя.

Любая система, претендующая на то, чтобы разбираться

в природе знания, неизбежно вызывает сомнения. Индекс Реальности — не исключение. Он создавался как инструмент, позволяющий оценить, насколько глубоко идеи связаны с устройством человеческого мышления, и именно по этой причине открыто приглашает к критике. Ведь каждый из возможных аргументов против не ослабляет идею, а уточняет её границы, подчёркивает, где модель работает, а где нуждается в корректировке. Ниже — главные возражения и те ответы, которые помогают удержать целостность подхода без ухода в защиту догм.

Первый упрёк звучит почти неизбежно: если человеческое мышление не может выйти за собственные пределы, как вообще возможно измерять степень искажения в отношении реальности, к которой доступа нет? Не получается ли, что вся модель вращается по кругу, утверждая независимость от реальности, которую описать не может?

Но индекс не утверждает, будто способен добраться до истины. Он и не стремится к финальному знанию. Его задача — не открывать, а сравнивать. Он работает как внутреннее измерение: не того, что реально, а того, насколько сильно идея зависит от уже известных фильтров — эмоциональных, языковых, поведенческих. Мы не знаем, как устроена реальность в чистом виде, но мы знаем, как часто наш ум обманывает сам себя. И если можно измерить, где фильтрация особенно плотная, это уже даёт полезную карту — пусть и не ответ на главный вопрос.

Второе возражение: далеко не все адаптивные идеи искажены. Бывает, что они попадают в точку. Некоторые мысли, возникшие ради выживания, вполне могут соответствовать устройству мира. Почему же тогда индекс изначально подозревает всё адаптивное в искажении?

Здесь важно уточнение: индекс не говорит, что адаптация всегда врёт. Он говорит, что вероятность искажения возрастает там, где идея тесно связана с выживанием, эмоциями или социальным поведением. Конвергенция с реальностью возможна, но случайна или частичная. Именно поэтому баллы в индексе — не вердикты, а оценки риска. Низкий балл — не признак лжи, а указание: здесь, скорее всего, мысль сформировалась не из наблюдения, а из пользы. Это повод задуматься, а не отказаться.

Следующий аргумент, пожалуй, самый радикальный: если всё мышление искажено, то и сам индекс — тоже. Не становится ли он сам себе опровержением?

Ответ здесь в самой конструкции индекса. Он не претендует на чистоту или исключительность. Он сделан из того же материала, что и остальные идеи. Но его отличие — в том, что он обращает внимание не на внешний мир, а на устройство самого мышления. Он — зеркало, а не окно. И если возникает подозрение, что сам индекс подвержен тем же искажениям, то это не

ослабляет его, а наоборот — делает его самоприменимым. Именно это и делает его устойчивым: он не говорит «вот истина», он говорит «вот где мы можем ошибаться, включая и эту саму фразу».

Другое возражение уже не о логике, а о человеческом содержании. Как быть с идеями, которые жизненно важны? Любовь, справедливость, личность — всё это может получить низкие оценки в индексе, но от этого не становится менее необходимым. Не приижает ли модель эти идеи?

Здесь нужно напомнить: индекс не измеряет значимость, не говорит, что с идеей делать. Он не отменяет любовь, не обесценивает справедливость и не предлагает жить без идентичности. Он просто показывает, что все эти понятия глубоко связаны с тем, как устроен мозг. Это не упрёк, а диагностика. Можно продолжать жить в этих понятиях — и, вероятно, иначе невозможно — но при этом понимать, что они, скорее всего, созданы не для описания мира, а для поддержки самого человеческого опыта. Осознание иллюзии не требует отказа от неё. Оно просто даёт понимание: мы в ней — не потому, что она истина, а потому, что она работает.

Пятое возражение касается самого набора параметров. Почему именно десять? Почему равный вес? А вдруг одно искажение важнее другого?

Этот вопрос не замалчивается — наоборот, он заложен в

основу модели. Десять параметров выбраны как начальный ориентир, не как окончательное знание. Они отобраны на основе того, что уже известно о когнитивной архитектуре, но индекс открыт к пересмотру. Возможно, в будущем появятся новые параметры, возможно, изменится вес уже имеющихся. Пока же равномерность позволяет избегать преждевременных перекосов и сохраняет модель гибкой, доступной для расширения и адаптации. Это скелет, не броня.

Наконец, самое эмоциональное выражение: не опасен ли сам подход? Если назвать любовь — иллюзией, смысл — адаптацией, а сознание — искажением, не приведёт ли это к отчуждению, к нигилизму, к потере человеческого?

Но индекс не разрушает, он проясняет. Он не предлагает отказаться от чувств — он помогает увидеть, откуда они берутся. Он не предлагает выбросить опыт — он показывает его границы. Человеческое переживание остаётся реальным — как феномен, как факт, как часть жизни. Индекс лишь предостерегает: не стоит считать, что всё, что чувствуется реальным, действительно является описанием чего-то вне нас. Иногда это просто зеркало, в которое мы смотрим и видим только себя.

В этом и суть Индекса Реальности. Он не заменяет истину — он её не знает. Он не претендует на власть — он сомневается. Он не закрывает вопросы — он делает их острее. Его задача — не в том, чтобы сказать, что есть. Его задача — показать, как мы думаем, и где, быть

может, мысль ведёт нас по кругу. Это не философия отказа, это дисциплина осторожности — структурированное сомнение, открытое к собственной критике.

Несмотря на свою аккуратную и продуманную структуру, Индекс Реальности не претендует на безупречность. Как и любая концептуальная модель, он действует в пределах определённых ограничений — теоретических, методологических, познавательных. Эти ограничения не разрушают саму идею, но очерчивают границы её применения. Осознание этих рамок важно не меньше, чем понимание самой конструкции индекса. Это не универсальный фильтр истины и не приговор идеям — скорее, вспомогательный инструмент, который помогает задать правильные вопросы, но не даёт готовых ответов.

Одна из основных проблем заключается в том, что у индекса нет точной точки отсчёта. Он оценивает, насколько идея может быть искажена по сравнению с некой предположительной реальностью, независимой от человеческого восприятия. Но сама эта реальность недоступна напрямую. Мы не можем взять внешний эталон и приложить его к нашим понятиям. Всё, что делает индекс, — это сравнение не с тем, что есть, а с тем, что, скорее всего, не является результатом адаптации. Он не показывает, что «вот это — истина», он говорит: «здесь меньше признаков того, что мысль была искажена в процессе её формирования».

С этим связано и следующее ограничение: весь анализ

построен внутри человеческого мышления. Параметры, по которым оцениваются идеи, тоже создавались в условиях тех же когнитивных фильтров, что и сами идеи. Мы не выходим за пределы своего ума — мы просто стараемся понять, как он работает. Индекс — это попытка зафиксировать напряжённость, с которой мысль тягается к некой внешней реальности, но сама по себе не может её достичь. Его ценность не в том, что он «объективен», а в том, что он позволяет видеть направления искажения — даже если сам тоже немножко искривлён.

Есть и техническое ограничение: десять параметров — это одновременно и сильная сторона, и допущение. Этот набор охватывает важнейшие формы искажений, но, конечно, не все. Он не включает, например, эффекты цифровой среды, влияния алгоритмов, роли институтов или исторических сдвигов. Всё это может в будущем потребовать расширения модели. До тех пор индекс остаётся рабочим, но не исчерпывающим. Он не завершает анализ, он его запускает.

Не стоит забывать и про субъективность в оценке. Несмотря на формальные описания, применение индекса требует суждений, а суждение всегда зависит от контекста: кто оценивает, из какой дисциплины, с какими философскими установками. Два человека могут выставить разные баллы одной и той же идее — и оба будут правы в рамках своей позиции. Это не недостаток, а особенность. Индекс — не автомат, а интеллектуальный инструмент. Он требует внимательности, согласования и открытого обсуждения.

Он не заменяет философское размышление — он его стимулирует.

Кроме того, индекс не отвечает на вопросы, которые выходят за пределы когнитивной структуры. Он не оценивает, полезна ли идея, справедлива ли она, вдохновляет ли, делает ли жизнь осмысленней. Он не может сказать, нужно ли верить в любовь, стремиться к справедливости или защищать идентичность. Даже если идея получает низкий балл, это не повод её отбрасывать. Индекс указывает не на её моральную ценность, а на то, насколько она вплетена в эволюционные механизмы. Она может быть необходима — и при этом глубоко адаптивна.

И, наконец, одна из самых тонких трудностей — сама природа идей. Не все понятия — это чёткие, изолированные конструкции. Многие из них — скорее клубки, в которых сплелись метафоры, чувства, образы, культурные ассоциации. Попытка свести всё это к одной цифре может упрощать то, что в своей сути остаётся неуловимым. Да, субоценки помогают прояснить структуру, но полностью избавиться от неясности невозможно. Мы имеем дело не с формулами, а с живыми мыслями.

Поэтому Индекс Реальности нужно воспринимать не как последнюю инстанцию, а как линзу, через которую можно взглянуть на идею по-новому. Он не закрывает спор, он показывает, где начинается искажение. Его сила — в том, что он возвращает мышление к самому себе, не

с целью всё обесценить, а чтобы напомнить: всё, что кажется очевидным, рождено в сознании, которое само по себе далеко не нейтрально. И если удаётся хотя бы немного отделить структуру мира от структуры ума, значит, инструмент сработал.

Индекс Реальности представляет собой лишь начальный шаг к тому, чтобы систематически измерять то, что раньше ускользало от внимания — то, как сама эволюция формировала мышление, искажая восприятие мира в пользу выживания. Он построен на десяти параметрах, но не для того, чтобы поставить точку, а чтобы задать отправную позицию. Этот инструмент не замкнут, он предназначен для роста: для того, чтобы развиваться вместе с теорией, критикой, практикой и технологиями. Он открыт к изменениям — как по форме, так и по содержанию.

Одним из наиболее перспективных направлений в дальнейшем развитии модели может стать её связь с эмпирическими исследованиями. Сейчас оценка идей в индексе остаётся качественной, но в будущем возможно привлечение данных из нейронауки, психолингвистики, когнитивного моделирования. Это позволит уточнять, насколько конкретные понятия действительно насыщены эмоциями, насколько метафоричны, насколько интуитивны или социально выгодны. Сравнительные исследования в разных культурах могут показать, как языковые структуры формируют разные искажения, как по-разному выражаются цели, смыслы, причинности в разных исторических и экологических условиях. Постепенно индекс может превратиться в количественную систему, способную предсказывать,

какие идеи закрепятся в обществе, а какие отомрут, исходя не из их истинности, а из их когнитивной приспособленности.

Не менее важное направление — интеграция индекса в работу искусственного интеллекта. Современные языковые модели, базы знаний и когнитивные симуляторы могут быть обучены оценивать концепции по масштабам, недоступным человеку. Это позволит строить карты искажений — в науке, философии, политике, культуре. Можно будет отслеживать, какие идеи особенно тесно сплетены с адаптивными механизмами и какие из них демонстрируют наибольшую независимость. Такие карты могут стать новым инструментом для научной критики, редактирования учебных программ, публичного обсуждения знаний.

Однако, пожалуй, наиболее срочной и неразрешённой областью остаётся сам научный разум. В современной науке огромное внимание уделяется проверке гипотез, статистической надёжности, логической непротиворечивости. Но практически никто не учит учёных задаваться вопросом: откуда, из какой глубины ментального устройства, берутся сами понятия, с которыми они работают. Очень немногие способны увидеть, что идея может быть логичной, полезной, уважаемой — и при этом глубоко искажённой, просто потому что она удобна для мозга, привыкшего к определённым паттернам. Индекс предлагает начать формализовать это подозрение — перевести его из интуиции в процедуру.

Это особенно актуально для таких понятий, как «свобода воли», «сознание», «цель», «интеллект». Эти слова устойчивы, привычны, но возможно они живут не потому, что описывают реальность, а потому, что задевают те же эмоциональные и когнитивные струны, что и мифы, сказки, идеологии. Индекс не отрицает их значения, но позволяет начать различать: когда понятие используется как инструмент, а когда как отражение чего-то, выходящего за пределы человеческой природы.

Помимо анализа, индекс несёт в себе ещё одну ценность — он тренирует внимательное, осторожное мышление. Он напоминает, что даже самые стройные идеи могут быть построены не на фундаменте, а на привычке. Он позволяет не просто спорить о том, что правильно, а замечать, почему определённые идеи вообще стали возможными. С его помощью можно сравнивать не только области знаний, но и стили мышления. Можно отслеживать, как концепции меняются, когда переходят из академической среды в массовую культуру, как упрощаются, политизируются, искажаются.

Со временем индекс может стать более гибким — например, он может обновляться по мере появления новых параметров или по мере уточнения весов уже существующих. Он может адаптироваться к цифровому мышлению, учитывать особенности искусственных когнитивных систем, или даже создавать подиндикаторы для нечеловеческих форм познания. В таком виде он уже не будет просто человеческим инструментом. Он может

стать общей платформой для оценки мыслительных структур — неважно, созданы ли они нейронами, алгоритмами или их гибридом.

В этом смысле индекс не закрывает двери, а наоборот — разворачивает фокус. Он смещает внимание с содержания мысли на её происхождение. Не на то, что мы думаем, а на то, почему нам это вообще приходит в голову. И в этом смещении рождается новая дисциплина — не уверенность в знании, а умение распознавать, что знание устроено именно так, потому что его создаёт существо, у которого были иные задачи, чем описание истины. Быть живым — значило думать в сторону пользы, а не в сторону реальности. Индекс Реальности — это попытка осознать это всерьёз.

На сегодняшний день не существует ни одной завершённой модели, которая бы точно повторяла структуру, цель и методику Индекса Реальности — то есть такой системы, которая количественно оценивает, насколько абстрактные понятия искажаются под воздействием эволюционно закреплённых особенностей человеческого мышления. Тем не менее, в смежных областях уже давно формируются идеи, близкие по духу. Ниже приведены подходы из разных дисциплин, которые пересекаются с логикой Индекса, хотя и не создают ничего аналогичного.

Так, например, эволюционная эпистемология — философская традиция, развивающаяся Поппером, Кэмбеллом и другими, — рассматривает знание как продукт отбора. В этой логике разум формировался не

для того, чтобы отражать истину, а чтобы действовать эффективно. Это совпадает с основой Индекса Реальности, но в рамках этой теории не существует инструмента, позволяющего измерять уровень искажения в конкретных идеях.

Модели предсказательного мышления и принцип свободной энергии, предложенные Карлом Фристоном и развивающиеся Энди Кларком, говорят о том, что мозг строит прогнозы и сверяет их с реальностью, минимизируя ошибку. Восприятие в этих теориях — не окно в мир, а система ожиданий, подстроенная под выживание. Здесь очень близко звучит мысль о встроенной фильтрации, но никакого оценочного механизма, который можно было бы применять к отдельным понятиям, пока не предложено.

Философия концептуальной инженерии, развивающаяся, например, Каппеленом и Чалмерсом, предлагает анализировать и при необходимости заменять неудачные понятия на более точные. Эта область исследует, как можно улучшать мыслительные инструменты, но она ориентирована на семантику и логику, а не на измерение эволюционных искажений.

Разнообразные классификации когнитивных искажений, как у Канемана, Тверски или Бастера Бенсона, помогают понять, где и как человеческое мышление отклоняется от рациональной нормы. Эти подходы близки по духу, но они сосредоточены на повседневных суждениях и решениях, а не на глубоких абстракциях. Кроме того, у

них нет универсального индекса или шкалы.

В мета науке и философии науки — у таких мыслителей, как Кун, Фейерабенд, Иоаннидис — можно найти размышления о том, как научные теории зависят от культуры, языка, психологии и институтов. Эти идеи помогают критически осмысливать, как формируется знание, но и здесь нет системы, которая бы количественно оценивала степень искажения понятий.

Меметика и теория культурной эволюции, предложенные Докинзом, Деннетом и Блэкмор, предлагают рассматривать идеи как единицы, подверженные культурному отбору. Идея выживает не потому, что она истинна, а потому что легко передаётся. Это перекликается с тем, как Индекс оценивает адаптивную "прилипчивость" концептов, но меметика не предлагает инструментов для диагностики на уровне искажённости.

Наконец, в сфере исследований искусственного интеллекта и интерпретируемости моделей всё больше внимания уделяется оценке достоверности и устойчивости выводов ИИ. Такие компании, как OpenAI, Anthropic и DeepMind, работают над тем, чтобы научиться выявлять когнитивные искажения в работе машин. Но пока не существует систем, которые бы измеряли, насколько понятия зависят от эволюционно унаследованных свойств мышления человека, и тем более нет универсальной шкалы, применимой к разным областям.

В итоге можно сказать: полноценного аналога Индексу Реальности пока не существует. Но в разных дисциплинах накоплен теоретический материал, который подтверждает: идея создания подобного инструмента своевременна и востребована. Это не повторение уже сделанного, а следующий шаг — попытка собрать рассеянные наблюдения в единую, структурированную систему, способную служить новым способом диагностики самого мышления.

Индекс Реальности был разработан как ответ на глубинное напряжение, которое пронизывает все формы знания: несмотря на свою абстрактность и гибкость, человеческое мышление остаётся биологической системой, сформированной не для того, чтобы видеть истину, а для того, чтобы выживать. Разум — это результат отбора, направленного не на объективность, а на скорость, удобство, эмоциональное равновесие и социальную согласованность. В результате именно те идеи, которые кажутся наиболее интуитивными, общепринятыми или трогающими за живое, зачастую оказываются наиболееискажёнными — потому что были выкованы не в диалоге с реальностью, а в рамках архитектуры, построенной ради выживания.

Этот подход не предлагает выйти за пределы разума или преодолеть ограничения мышления. Он, наоборот, принимает эти ограничения как исходную данность и предлагает способ измерить, насколько глубоко они встроены в конкретные концепты. За счёт выделения десяти независимых параметров — каждый из которых связан с подтверждённой формой эволюционного

искажения — индекс даёт возможность оценить, насколько тесно идея опирается на чисто человеческие когнитивные конструкции. Чем выше оценка, тем более концепт оказывается равнодушен к восприятию, эмоциям, социальной функции или интуитивной форме — и тем ближе он, в рамках этой модели, подбирается к онтологической нейтральности.

Ценность индекса — не в том, чтобы сказать, какие идеи «правильные». Он работает иначе: как второй уровень фильтрации, позволяющий исследователям, мыслителям и теоретикам сравнивать концепты не только по логике или эмпирической пригодности, но и по степени уязвимости к искажениям. Он не заменяет традиционные эпистемологические подходы, а дополняет их — вынося на поверхность то, что обычно принимается как нечто само собой разумеющееся: ясность мысли может быть не свидетельством её точности, а следствием её адаптивного происхождения.

Так появляется возможность для нового вида эпистемологической дисциплины — такой, в которой идеи рассматриваются не только как инструменты знания, но и как следы выживания. Любовь, бог, справедливость, личность — всё это может быть жизненно важным для человека, но это не избавляет эти понятия от анализа. И даже те идеи, что кажутся сухими и отвлечёнными — вроде математических констант, симметрий в физике или энтропии в теории информации — тоже не застрахованы от когнитивного давления. Любая мысль возникает внутри структуры, и задача индекса — зафиксировать, насколько вес этой структуры

велик.

На сегодняшний день не существует ни одной другой системы, которая бы предлагала то же самое, что и Индекс Реальности: параметризованную, балльную диагностику, позволяющую измерять, как глубоко эволюционные искажения проникают в абстрактные концепты. И всё же, в разных дисциплинах — от эволюционной эпистемологии и когнитивной науки до нейробиологии, философии языка и исследований ИИ — уже накоплены идеи, которые подтверждают правомерность такого инструмента. Эти направления не противоречат индексу, они формируют ту почву, из которой он вырастает. Поэтому Индекс Реальности — это не повторение, а синтез: следующий шаг, где рассеянные догадки и наблюдения собираются в практическую систему.

Но, возможно, главное, на что указывает этот инструмент — это слепая зона в современной научной и философской методологии: отсутствие формальных средств для оценки происхождения самих понятий. Мы умеем проверять гипотезы, следим за воспроизводимостью, заботимся о логической стройности. Но почти не спрашиваем себя, откуда взялись наши ключевые концепты — из наблюдения или из приспособления. Индекс пытается восполнить этот пробел. Он не даёт гарантий, но предлагает способ для устойчивого сомнения, основанного не на интуиции, а на знаниях о том, как устроен сам ум.

Он не спрашивает: что истина? Он спрашивает: какова вероятность того, что это понятие появилось не для описания мира, а для того, чтобы выжить в нём? Этого вопроса недостаточно, чтобы заменить философию. Но без него познание рискует снова и снова путать отражение со структурой, интуицию с точностью, а пригодность — с пониманием. Индекс Реальности начинается с простого признания: разум не может покинуть свою форму. Но он может — наконец — начать измерять её.

Приглашаю вас ознакомиться с моей статьей "Anthropic-independent reality index: A framework for measuring conceptual distortion under anthropic-bound cognitive constraints" (Индекс реальности, независимый от антропного восприятия: подход к измерению искажения концептов в условиях когнитивных ограничений антропного характера), опубликованной в Global Science News.

В этой статье рассматривается оригинальная методология для оценки искажения понятий, которое происходит из-за ограничений человеческого восприятия и мышления. Предлагаемый индекс может быть полезен для философов, когнитивных ученых и специалистов по ИИ, стремящихся понять, насколько наши представления о реальности подвержены антропоцентрическим искажениям. Буду рад вашему вниманию к моей статье, где я рассматриваю интересные аспекты обсуждаемой темы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Kriger, B. (2025). Anthropic-independent reality index: A framework for measuring conceptual distortion under anthropic-bound cognitive constraints. Global Science News.

Barkow, J. H., Cosmides, L., & Tooby, J. (1992). *The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and the Generation of Culture*. Oxford University Press.

Barrett, L. F. (2017). *How Emotions Are Made: The Secret Life of the Brain*. Houghton Mifflin Harcourt.

Boghossian, P. (2006). *Fear of Knowledge: Against Relativism and Constructivism*. Oxford University Press.

Carruthers, P. (2006). *The Architecture of the Mind: Massive Modularity and the Flexibility of Thought*. Oxford University Press.

Chater, N. (2018). *The Mind Is Flat: The Remarkable Shallowness of the Improvising Brain*. Yale University Press.

Churchland, P. S. (2011). *Braintrust: What Neuroscience Tells Us about Morality*. Princeton University Press.

Clark, A. (2016). *Surfing Uncertainty: Prediction, Action, and the Embodied Mind*. Oxford University Press.

Dennett, D. C. (1991). *Consciousness Explained*. Little, Brown and

Company.

Fodor, J. A. (1983). *The Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. MIT Press.

Friston, K. (2010). The free-energy principle: a unified brain theory? *Nature Reviews Neuroscience*, 11(2), 127–138.
<https://doi.org/10.1038/nrn2787>

Gopnik, A. (2009). *The Philosophical Baby: What Children's Minds Tell Us About Truth, Love, and the Meaning of Life*. Farrar, Straus and Giroux.

Hoffman, D. D. (2019). *The Case Against Reality: Why Evolution Hid the Truth from Our Eyes*. W. W. Norton & Company.

Kahneman, D. (2011). *Thinking, Fast and Slow*. Farrar, Straus and Giroux.

Metzinger, T. (2003). *Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity*. MIT Press.

Nagel, T. (1986). *The View from Nowhere*. Oxford University Press.

Noë, A. (2004). *Action in Perception*. MIT Press.

Pinker, S. (1997). *How the Mind Works*. W. W. Norton & Company.

Stanovich, K. E. (2009). *What Intelligence Tests Miss: The Psychology of Rational Thought*. Yale University Press.

Tooby, J., & Cosmides, L. (1992). The psychological foundations of culture. In Barkow, J. H., Cosmides, L., & Tooby, J. (Eds.), *The Adapted Mind* (pp. 19–136). Oxford University Press.

Tomasello, M. (2014). *A Natural History of Human Thinking*. Harvard University Press.

Wimsatt, W. C. (2007). *Re-Engineering Philosophy for Limited Beings: Piecewise Approximations to Reality*. Harvard University Press.

Wilson, E. O. (1998). *Consilience: The Unity of Knowledge*. Alfred A. Knopf.